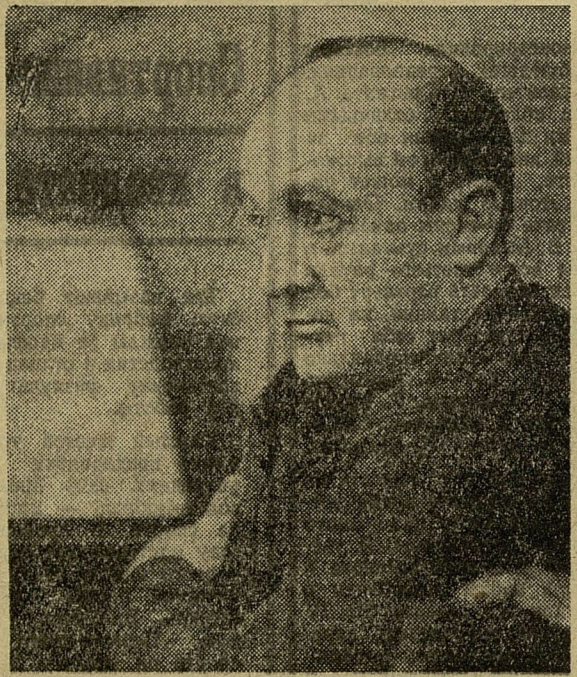

Молодой азербайджанец
1961
9 ИЮН 1961

ИЗ РОДНИКА НАРОДНОЙ МУЗЫКИ

ЕСТЬ такое понятие: «приобщение к музыке». Ребенка, бывает, с детства приобщают к музыке, водят на концерты. А вот о нем, о его детстве этого сказать нельзя. Фикрета Амирова не то чтобы приобщали к музыке, он становился музыкантом естественно и, можно сказать, с пеленок. Мешади-Джамил, отец композитора, популярного хананде, знали и любили не только в Гяндже, где он жил с семьей.

Его часто приглашали в Баку, Тбилиси, Тауз, Казах. А выезжая на концерты, он брал с собой маленького сына — естественным было желание отца видеть в своем сыне преемника. Мальчик рос в атмосфере народной музыки, в окружении таких имен, как Джаббар Карягды, Курбан Примов, Сеид Шушинский, Бюль-Бюль, Зульфиди Адигезалов. Жизненный путь мальчика был предопределен.

Шестнадцатилетним юношей он приезжает в Баку. Столица Советского Азербайджана в те годы уже была музыкальным центром республики. Здесь жили и творили Узеир Гаджибеков, Ниязи, Бюль-Бюль. Знакомство и встречи с Узеирбеком... Разве можно это забыть? «Меня представил Узеирбеку наш выдающийся певец и музыкант незабвенный Бюль-Бюль, — вспоминает композитор. — И я всю свою жизнь

буду благодарен Бюль-Бюлю за эту встречу».

Узеирбек и Бюль-Бюль... Великие музыканты, стоявшие у колыбели азербайджанской советской музыки. Вся творческая судьба Фикрета Амирова неразрывно связана с этими именами. Но есть еще один представитель той замечательной плеяды возрождающегося под солнцем Октября азербайджанского национального искусства, чье влияние на творчество композитора живо и по сей день и, по его собственному признанию, будет определяющим и в будущем. Это — Самед Вургун.

С Самедом Вургуном Амиров познакомился при довольно интересных обстоятельствах. Тогда он, ученик 6-го класса, принес в редакцию газеты «Гянджишчи» («Молодой рабочий») свое первое стихотворение. Его направили к смуглолицему юноше с живыми, добрыми глазами. Юноша внимательно выслушал мальчика, прочел его стихотворение и пообещал напечатать. Через несколько дней стихотворение действительно было опубликовано. Позже они познакомились ближе и стали друзьями. Амирова привлекали в Вургуне прежде всего глубокая народность его творчества и столь прекрасное сочетание социалистического реализма с традициями великих Физули, Низами, Хагани. Но была еще музыка. И была любовь к звонким ашугским напевам и к древнему изящному мугаму. Да, их интересы были схожи. Оба они преклонялись перед искусством Джаббара Карягды, Курбана Примова, Сеида

Шушинского. Можно утверждать, что оба одинаково знали и любили тар, этот традиционный и старинный инструмент. Известно, как увлекался игрой на таре Самед Вургун; некоторые свои стихотворения он написал в манере, близкой к ашугскому творчеству. Для Амирова же тар — любимейший инструмент. Он не расставался с ним никогда. «Даже будучи на фронте, — рассказывает композитор, — я смастерил нечто вроде не то тара, не то балалайки, и в редкие минуты отдыха пробовал играть. И представьте — получалось неплохо! В нашей роте даже возник небольшой самодеятельный ансамбль».

Это было в суровый 1942 год. А в 1943 году, демобилизовавшись после тяжелой контузии, Амиров приезжает в Баку. Первое, что он делает, — разыскивает друзей. И тут он узнает о страшной потере. В консерваторской стенгазете он читает письмо своего друга и одноклассника Мамеда Ибрафилзаде. Это его последнее письмо с фронта товарищи поместили в газете, самого Мамеда уже не было в живых — погиб смертью храбрых. Потрясенный Амиров создает вскоре симфоническую поэму «Памяти героев Великой Отечественной войны».

Будучи студентом консерватории в первые послевоенные годы, Амиров создает несколько значительных произведений и среди них две музыкальные комедии. В эти же годы он приступает к работе над своими знаменитыми симфоническими мугамами. Симфонические муга-

мы — крупный новаторский вклад Амирова в азербайджанскую музыку. Заслуга музыканта не в том, что он «переписал» для симфонического оркестра известные мелодии мугама; он создал новый симфонический жанр, обогатив традиционное содержание мугама мелодиями, созвучными ритмам наших дней. Симфонические мугамы «Шур», «Кюрд Овшары», сюита «Азербайджан», струнная симфония «Низами» завоевали большое признание не только в нашей стране, но и во многих странах мира. Мугамы Ф. Амирова неоднократно исполнялись лучшими оркестрами Нью-Йорка, Бостона, Филадельфии, Лейпцига, Лондона, Каира, Будапешта, Брюсселя. Интерпретаторами музыки Амирова были такие выдающиеся дирижеры, как Стоковский, Мюш, Абендрот, Ниязи, Рождественский. Эти исполнения были блестящей популярнейшей азербайджанской народной музыки во многих странах мира.

Новаторство и традиционное в искусстве. Современные и национальные формы. Каждого глубокого, настоящего художника волнуют эти вопросы, каждый решает их для себя, ищет свое отношение к этим проблемам. «Я считаю, — говорит Амиров, — что каждый художник, будь он начинающий или представитель старшего поколения, должен прежде всего подумать о себе, о своем лице, предъявить миру, что ли, свою «визитную карточку». То есть, они должны заявить о своей принадлежности к тому народу, который он представляет. И в этом ничего зазорного нет.

Шостакович, например, гордится, что является русским советским композитором. Так же мог гордиться и Узеир Гаджибеков, как азербайджанский советский композитор. А иной раз получается, что надо разглядывать чуть ли не в микроскоп, дабы выяснить, какой же народ представляет данный художник. Но это вовсе не означает изоляцию от остального мира, от великих мастеров прошлого, это не должно вести к игнорированию времени, в котором художник живет. Ясно каждому, что сейчас другая эпоха, другие средства, другие темпы жизни. И как раз это время, как в зеркале, и должно отразиться в творчестве художника...»

Обратимся к творчеству самого композитора. Критика не раз отмечала влияние музыки Чайковского и Римского-Корсакова на творческую судьбу Амирова. А из советских композиторов одним из своих учителей Амиров считает А. Хачатуряна. Говоря о симфоническом мугаме «Шур», французский музыкальный журнал «Диск» писал, что в отличие от бесплодных лабораторных музыкальных экспериментов и насыщенных абстракций, чем так богат наш век, эта сюита обладает тем величием и правдой, которые свойственны всем подлинно значительным произведениям музыкального искусства. А опера «Севиль»? Это блестящее развитие традиций Чайковского и У. Гаджибекова, одно из лучших произведений азербайджанского оперного искусства. Нельзя не вспомнить о справедливом замечании видного совет-

ского музыковед Б. Н. Ярустовского, что «в творчестве Ф. Амирова стремление соединить «узами брака» традиции мировой музыкальной культуры и глубоко своеобразные особенности азербайджанского народного мышления ощущается заметнее всего».

Еще Амиров очень любит песенный жанр. Много пишет для детей. Вот совсем недавно он закончил симфонические картинки «Детский альбом» — отличный подарок малышам. Однажды у композитора спросили: «Напишет ли он когда-либо балет?». Он ответил сразу: «Обязательно». Этот замысел вынашивается уже несколько лет, и к осуществлению его Ф. Амиров приступит, наверное, после работы над оперой «Шейх Санан». Это, по-видимому, будет весной будущего года, а сейчас, когда вся страна готовится к нашему большому празднику — 50-летию Октябрьской революции, — он заканчивает симфонию-концерт, посвященную этой великой дате. Возможно, к этому времени будет готов еще один подарок — хоровая ода «Ленин» на стихи Назыма Хикмета.

Есть беспокойная категория людей, которые ищут двадцать пятый час суток. К ним принадлежит и Фикрет Амиров. Всегда, всюду — в любых обстоятельствах он думает о своей работе, о творчестве. «Что делаешь, — поясняет он, — сделать хочется очень много». Значит, у любителей музыки впереди немало встреч с новыми творениями большого художника.

Р. ДАРГЯХЗАДЕ.